

И я вернулась в город и дошла до Радиокomiteта. Около подъезда артист Иосиф Горин старательно на-матывал на руку веревку, к которой были привязаны детские санки.

— На пожар, Ося?

Три дня тому назад загорелся дом его сестры, где-то на Литейном, и Ося каждый день, как на работу, ходил на пожар, соби-рался медленно, обстоятельно и не торопясь.

Пожары у нас в Ленинграде в ту зиму были длительные, медленные, — и тушить их было кечем, не было воды. Жи-тели просто выносили из дому то, что были в силах вынести.

— Все еще горит?

— Да, третий этаж.

Мы немного помолчали.

— А что нового в Радиокomiteте?

— Да все то же... Вот — наш Фриц умирает.

— Наш Фриц умирает? Не может быть!

Я только вчера узна-ла о смерти тети Вари

и старой няньки моей

— Авдотьи, то есть о

смерти части души сво-ей, части жизни и дет-

ства, и уже, казалось,

ничто не могло бы паразит

И все же известно, что наш Фриц

умирает, поразило меня. Настолько

облик Фрица и понятие смерти были

несовместимы.

В иностранном отделе Радиокomiteта, который занимался пропагандой на противника и который мы величественно именовали «отделом контрпропаган-ды», кроме начальника отдела Николая Верховского и помощника его Николая Римского-Корсакова, работали два немца, вернее — австрияка, братья Фриц и Эрнст. Эрнст был худенький, с глубоко сидящими глазами, почти миниатюрный, а Фриц был типичный до-военный литературный «фриц»: румя-ный, русоволосый, голубоглазый, плот-ный и очень добродушный. Нередко по заданию этого отдела я писала ко-роткие воззвания, обращенные к нем-цам, а Фриц или Эрнст наговаривали их на пластинку, и Коля Римский-Кор-саков ездил с этими пластинками на передний край к Ижорскому или Пу-тиловскому заводам, и там их передава-ли через радиоузел так, чтобы слышал противник...

Я никогда не забуду один октябрь-ский вечер, когда уже голод властно вошел в Ленинград и немец штурмовал город и был на близком подступах к Москве. Мы все влетером слушали передачу из штаб-квартиры Гитлера. Один из наших немцев стенографиро-вал ее.

Сначала мы услышали ревуние фан-фары; они даже не проревели — они прорывали какой-то грубый, наглый торжествующий мапш. Стылый и в то же время жестяной голос произнес: «Сейчас будет говорить штаб-квартира фюрера». Потом снова пять минут ре-вели фанфары.

Мы сидели у приемника, сжав кула-ки, стиснув зубы. И вот после отвари-тельного рычания и марша фанфар жестяной и стылый самодовольный го-лос почти лениво произнес, что якобы под Москвой окружено и уничтожено несметное количество наших войск, что якобы дни большевистской столицы со-чтены, что Ленинград тоже обречен.

И после этого сообщения вновь до-го и долго ревели, рычали, громыхали фанфары, и вдруг сразу, без паузы, страшный этот динкий марш перешел в беселный, мурлыкающий фокстрот.

И фокстрот следовал за фокстротом, и тонкое танго за танго, без остановки, пока в темном нашем городе, отрезан-ном от всей страны, стулал метроном. Он стулал ушащенно, как напряженное сердце, — в городе шла воздушная тревога. А фашистский Берлин, разбо-йничий притон, веселился. Они от-плевывали и ликовали потому, что ре-ки крови пенялись в России, горели тысячи русских деревень, и на ленин-градских улицах женщины и дети на-чинали уже падать от голода.

И начальник отдела Николай Вер-ховский сквозь зубы сказал:

— Ну, будет время, у них метроном и двух месяцев не протучит!

Сухонкий Эрнст добавил:

— Меньше!

Фриц улыбнулся несвойственной ему недоброй улыбкой.

Потом мы занялись каждый своим делом...

А еще совсем недавно, накануне Но-вого года, вернее, накануне рождества, я получила задание написать передачу на противника в связи с наступающим рождеством. Я писала ее в своей обле-деняющей квартире, уже тяжело опуш-чая от голода. Я писала:

«Немецкий солдат, ты мерзвешь и голодаешь в своих окопах под Ленин-градом. Но вспомни только, как еще недавно было уютно у тебя под рожд-ество дома. Вспомни, как зажигалась елка и трещали дрова в печке... Неуж-ели это навсегда ушло от тебя? Во имя чего?! Во имя чего ты слынешь под Ленинградом... Ты обмерзавешь, ты мо-жешь стать калекой»...

И вдруг мысль о том, что ведь это все правда и что живые люди мерзнут в холодной земле под нашим городом и мерзнут так же, как мерзну я сейчас, что они тоже люди, — оледенила меня. Я немедленно оттолкнула эту неправ-дливую, ненужную мысль. Но все же эта мысль, вернее, даже ощущение, а не мысль, возвращалась ко мне, как бумеранг, за какие бы вернейшие по-ложения ни забрасывала я ее, и с каж-дым разом все сильнее билась по душе.

«Эти враги, а я — люди», — сказала я себе и стала писать дальше. «Неуж-ели же тебе не хочется вернуться к теп-лу и радости домашнего мирного оча-га...». О, хочется, хо-чется — мне — очень хочется! Я ведь помню и елку в детстве за Невской заставой, и недавние мил-ые и веселые встречи Нового го-да в нашем элетрословесном клу-бе — о, где же это все, зачем оно от-шло, где простая мирная жизнь, как она обижена, жестоко обижена.

«Что за вздор? Я заспиховала от го-лода», — сказала я себе шепотом. «Это враги, захватчики, интервенты, и только». Так что же, мне жалко их? — Нет! Но мне жалко... Мне жал-ко нас. Мне жалко нас вместе, как не-что существовавшее когда-то в пре-красном человеческом единстве, как нечто живое, целое и вдруг беспощад-но и бессмысленно расщепленное кем-то «Третий» — не человеком, кем-то чуж-дым человечности. Да, этот кто-то «Третий» расщепил нас, единого человека, человечество, и бросил расщеплен-ные половины друг на друга, чтобы мы тер-зали и ненавидели друг друга, и встал между нами. Одна половина единого Человека по злобной воле «Третьего лишиего» грызет, терзает и ненавидит другую половину. Вот этого «Третьего лишиего» я ненавижу всей силой души и жизни. Этот Третий — фашист. Он терзает меня, он разбомбил дом Фрица, и тот чудом спасся из-под бомб, и нем-цы Фриц и Эрнст голодают так же, как я. У них тот же враг, что у меня. Вот этот «Третий лишний» — фашизм, гитлеризм.

Нет большого преступления перед человеком и жизнью, чем преступление этого «Третьего лишиего»! И я написа-ла передачу, вложил в нее всю свою жажду мира и счастья и всю свою не-нависть к фашистам.

«И если ты не повернешь своих пу-шек против Гитлера, немецкий солдат, ты не уйдешь из-под Ленинграда жи-вым!»

Так заканчивалась листовка, и я до-писывала ее на полном спойности души, убежденной в своей правоте. Наш Фриц наговорил ее на пластинку, и Коля Римский-Корсаков отнес пла-стинку в солянки на передний край — на Ижорский завод. Он вернулся за-ковченый, но довольный, передавал с очень близкого расстояния — так что было слышно, как немцы поют у себя рождественские псалмы, но пере-дачу, несомненно, слушали потому что, когда она началась, — псалмы умолкли и по голосу не били.

— А голос твой звучал так — дай бог, — сказал Коля Фрицу. — Ты мо-лодец, Фриц!

И наш Фриц дозволительно улыбнулся.

И вот теперь наш Фриц умирает так же, как умерли моя Дуня, и тетя Варя, и многие-многие другие ленинградцы. — Ну, ладно, Ося, — сказала я, — Иди на свой пожар.

— Пока, — ответил он. И тихо по-пелся на пожар.

Уже давно все основные работники Радиокomiteта жили на казарменном положении тут же, где работали. Я за-шла в иностранный отдел и хотя не была тут всего два дня, перемена в ли-цах Верховского и Римского-Корсакова удивила меня. Они были почти черные, выхопшие, а Эрнст был совсем как обугленный.

На койке за ширмой лежал Фриц. А он был не черный, но совсем прозвуч-ный и очень крошечный. Он попытался улыбнуться, увидел меня.

— Ну, что же ты, Фричушко? — сказала я. — Что же это ты выдумал ваялаться?

— Ничего, — ответил он с едва за-метным акцентом. — Я скоро встану.

И он не умер. Ни он, ни Эрнст. Фриц работает сейчас в Австрии. А Николай Верховский, до войны стремительный, высокий здоровяк, умница, талантлив-ый литературовед, и мягкий, необы-чайно обаятельный Николай Римский-Корсаков через несколько дней были отозваны нашими товарищами на са-ночках в гостиницу «Астория», в ста-ционар. Но их ничто уже не могло спа-сти, и они умерли там. Уже без них я делала передачу — «Берлин пал».

Эрнст оказался прав: Берлин не продер-жался и двух недель. А через три года после победы мы, группа ленинградских писателей, встретились в зале гостини-цы «Астория» с делегацией немецкой интеллигенции, приехавшей из Герма-нии, из Берлина.

ВСТРЕЧА В «АСТОРИИ»

Делегация почти целиком состояла из коммунистов или близких к парти-ан антифашистов. Среди них бы-ли: замечательная писательница Анна Зегерс, мастыгый Берн-гард Келлерман с супруго-й, Стефан Хермлин, по-эт, беллетрист, критик, в прошлом старый комсомо-лец, ныне, — то есть уже тогда, в 1948 го-ду, — коммунист; Вольф-ганг Лангхоф, актер и ре-жиссер, член партии со спартакювских времен, автор книги «Болотные сол-даты», побывавший в гит-леровском лагере а в те дни и посейчас руководи-тель театра имени Макса Бернгауда. Был профес-сор Юрген Кунчинский, из-вестный экономист, автор многих капитальных трудов по политической экономии, старый член партии; Эду-ард Клаудис, прозаик, стар-ый антифашист, сражав-шийся в Испании, а во-вторую мировую вместе с парти-занами Северной Италии сражавшийся против Гитле-ра; Гюнтер Вайзенборн, по-эт и драматург, участник движения сопротивления и я группы «Красная капелла», освобожденный из тюрьмы нашими войсками; Михаэль Чесно-Хельль, старый член партии, был в эмиграции в Швейцарии, тельняшечек, один из авторов сценария о Тельмане, и другие.

И вот мы усадились за стол, ломившийся от пиши, от дорогих вин, в банкетном зале, в том зале, где во время блокады был морг.

И был поднят первый бокал, произне-сен первый тост. Раздались шумные, но холодные аплодисменты. Мы сидели рядом с антифашистами, с коммунистами, и все-таки буквально каждый из нас (я говорию о ленинградских писателях) ощущал, что между нами и немцами стоит некая невидимая, но нерушимая стена, вроде как бы стена из особого стекла или льда, через которую мы видим друг друга, пытаемся объяснить-ся, но друг друга не слышим. Они бы-ли немцы, они приехали из той страны, из того города, откуда ринулось на нас на нашу Родину, несколько лет назад озверевшее, лягающее железо, под реп лудейских фанфар, откуда пришли в наш город непрогладный зима, ледовитый холод жажда и голод-ный мор и безвозвратно унесли тысячи и тысячи ленинградцев, среди которых были люди такой душевной чистоты и отваги, и беззаветности, как покойный мой муж Николай, как работник Радиокomiteта Яков Бабушкин, как старая няня моя Авдотья и тетя Варя, как Николая Верховский и Николай Римский-Корсаков, умершие в этом здании.

Я вспомнила, что в этих самых за-лах Гитлер собирался устраивать тор-жественный банкет для офицеров по случаю взятия Ленинграда, что были даже заготовлены пригласительные би-леты на этот банкет и медали за взятие Ленинграда. Я подняла тост за то, что мы пируем в «Астории» с другими нем-цами и по другому поводу. Тосту удов-летворенно и прохладно поаплодиро-вали.

И мы улыбались друг другу, но чув-ство отчужденности, больше — чув-ство глубокой усталости и необротимой утраты никак не могло сойти у меня с души. Это чувство утраты — огромной, общечеловеческой — даже как будто проросло с новой силой во время встре-чки с немцами здесь, в «Астории». Я чувствовала какую-то саднящую сухость в глазах, сухость во рту, сухость в душе.

Тамодой с нашей стороны был Евге-ний Львович Шварц, изумительный драматург и, несомненно, последний на-стоящий сказочник в мире, человек огромного, щедрого, чистого, воистину сказочного таланта. Невозможно было не поддаться обаянию Евгения Львовича... но о нем и дивном творчестве его я буду говорить еще много... потом...

И вот он встал и на смешанном руско-немецком языке начал представлять немецкой делегации нас, ленинград-ских писателей.

— Их бин дер Шварц, — важно ска-зал он, указывая на себя. И мы все за-смеялись, потому что и манера гово-рить, и интонация Евгения Львовича не могли не вызвать веселящей душу улыбки.

— Их шрейбе ди пьесе, — продол-жал он... — Дас ист поттесен Ольга Бергольц, она шрейбен ейне стихи...

Так он представил всех ленинград-ских писателей, милый, веселый, изобретательный, и поднял тост за нашу дружбу, и мы, стоя, выпили за нее.

И вновь наступило некое отчуждение, точно дышал на нас кто-то холодом.

После Евгения Шварца выступил представитель Юрген Кунчинский. Он гово-рил о том, как они ходили сегодня по весеннему Ленинграду, любовались этим неповторимым городом, видели его еще не зажившие раны...

...И мне было странно, — гово-рил он, — что в этом городе в нас ни-кто не бросает камнями. Сидящие здесь не виноваты в том, что произошло, но чувство стыда и вины за свой народ не покидало нас. А вы, вместо того чтобы бросать в нас камни, встречаете нас го-спетринно и дружелюбно.

Он говорил, и по щекам его бежали слезы. Мы видели, что немцы взвол-нованы и потрясены тем приемом, который оказал им город, так важно постра-давший в дни Великой Отечественной войны. Но «Третий лишний» — или проклятая тень его? — все стоял и стоял между нами, тягостная недоумен-ность разделяла нас, и надо было ска-зать и сделать что-то очень простое, чтобы все стало ясно и стало возможно снова жить и дышать. Но что?

И вдруг неожиданно кто-то из ленин-градских писателей запел пегню Красно-го Ветина, одну из тех песен, с кото-рыми приезжал в начале тридцатых годов в Ленинград Эрнст Буш и пел их в Филармонии, на заводах и даже у нас, в нашем незадачном «доме-ком-муне инженеров и писателей», извест-

технической промышлен-ности и поставляет свою продукцию даже за гра-ницу, в Западную Евро-пу! Утомительное дело — только переписать все, что производится предприятиями Чувашской АССР. А ведь в скором вре-мени она станет еще и республикой боль-шой химии, большого машиностроения...

Такая же картина и в сельском хозяй-стве. По-новому родит земля, новыми, не-сравнимо более весомыми цифрами исчис-ляются кохозные стада, но вы, культу-рный и зажиточной жизнью живут кре-стьяне.

А наша культура! Мне очень радостно назвать такие цифры. В республике имее-ся сейчас три вуза, 19 средних специаль-ных учебных заведений, более тысячи об-щественных школ. У нас работают десятки тысяч специалистов со средним и высшим образованием. Заидте в любой дом, и вы увидите книги классиков русской и зарубежной литературы на чувашском языке, произведения современников. В рес-публике трудится большой отряд писателей и журналистов. Достаточно сказать, что наше отделение объединяет 36 членов Со-юза писателей. За годы Советской власти в республике издано свыше шести тысяч

названный книг тиражом более 40 милли-онов экземпляров.

Многие местные литераторы закончили к славному дату новые произведения, лучшие из которых помещены в юбилейных номерах чувашского журнала «Знамя» и альманаха «Дружба».

Не так давно состоялась премьера пер-вой чувашской оперы композитора Федо-ра Васильева «Водяная мельница».

Праздник... На какую улицу ни загляни сейчас в наших Чебоксарах, в каком се-ло или посезай — всюду народных праздник. Сегодня в столице два больших события: открытие памятника Владимиру Ильичу Ленину и юбилейная сессия Верховного Совета республики. Непрерывно стучит на почтмате телеграфный аппарат, принима-я из разных концов страны горячие слова поздравлений. На аэродроме садятся са-молеты, доставившие на торжество дорогих гостей.

И мы шлем сегодня наш сердечный привет родной Коммунистической пар-тии, всем братским народам Великой Страны Советов. Ведь это благодаря их помощи, в первую очередь благодаря ве-ликому русскому народу, некогда оста-вленному и забытому Чувашия стала краем радос-ти и счастья.

Г. БАШИРОВ

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ:

☆ Ольга Бергольц. Из «Дневных звезд».

☆ Нужна ли география? Статья И. Забелина.

☆ Рассказ О. Иоселиани.

☆ О романе «Дороги, которые мы выбираем».

☆ Стихи Жака Превера.

☆ Театральный сезон на Бродвее.

☆ По поводу одного выступления газеты «Советская культура».

☆ Зарубежные карикатуры на наших страницах.

☆ Заметки на полях...

☆ «Бюро обслуживания» «Литературной газеты».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литературный музей».

☆ «Литер

НУЖНА ЛИ ГЕОГРАФИЯ?

В. ЗАВЕЛИН

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО вовсе не похоже на архитектора, выстроившего себе дом со всеми удобствами, — окружающая нас природа развивалась независимо от воли людей в процессе эволюции Земли. Но человечество стремится стать «архитектором», стремится ликвидировать «неразумные», допущенные природой при распределении влаги, тепла, почв. Проекты, предлагающие изменить климат тех или иных районов земного шара, множатся на глазах.

Какие произойдут изменения в природе, если вместо холодного морского течения берега континента начнет омывать теплее? Авторы подобных проектов обычно отвечают, что климат прибрежных частей материка станет теплее, появятся новые возможности для развития сельского хозяйства...

В марте 1925 года холодное течение, омывавшее пустынное тихоокеанское побережье Южной Америки, в связи с изменением режима ветров временно уступило место теплему течению. В результате в океанской воде резко уменьшилось количество кислорода, что привело к исчезновению планктонных организмов и промысловой рыбы, которая ими питалась. Миллионы стаи птиц, покинув места гнездовий, в поисках пропитания влетели в пустыню, погибли. Пустыня заселена, наполнились водоемы, сухие долины рек, но одновременно появилось огромное количество насекомых (возникла реальная угроза массовых эпидемий), развалились глинобитные дома местных жителей, смыло дороги, пришла в негодность водопроводная сеть...

Этот эксперимент, поставленный самой природой, продолжался менее месяца, но и этого малого срока оказалось достаточно, чтобы убедиться в главном: все в окружающей нас природе настолько тесно взаимосвязано, что изменение одного природного процесса неизбежно ведет к изменению, нарушению множества других... Любопытно, что не все следствия замены холодного течения теплым были благоприятны для людей, — это настораживает.

А что произойдет, если распустят ледники Антарктиды? «Климат Земли станет теплее» — сам собой напрашивается ответ. Но далеко не так просто, как кажется. Далеко не так просто будет в значительном количестве оттаивать ледники в южных полярных широтах, — таким будет, по крайней мере, первоначальный эффект. Далее, уровень океана повысится на несколько десятков метров, океан затопит низменности, отступят люди. Глубоко проникновение морских заливов в массивы суши сделает климат более ровным, теплым и влажным... В то же время резко замедлится течение всех рек земного шара, в русле их начнут откладываться ил и песок, которые раньше выносились в океан, и реки обмелеют. Появится много новых болот, потому что повысится уровень грунтовых вод. Очевидно, начнут разрушаться черноземы... Ледники Антарктиды особенно быстро росли в то время, когда таяли ледники северного полушария. Не ограничится ли оттаивание влаги в обратном направлении, обрушится ли на Северную Америку, Евразию, Азию небывало сильные ливни? Несомненно, на земном шаре увеличится облачность. Сейчас средняя температура земного шара составляет около 15° тепла, а средняя облачность — 50 процентов. Если процент облачности возрастет до 60, то средняя температура земного шара снизится на девять градусов... Наконец, освобожденная от груза ледников, всплывет Антарктида. Есть расчеты, доказывающие, что если массив суши увеличится до 500—600 км в поперечнике, то над ним возникнет антициклон, и средняя годовая температура «дополнительных» Антарктиды без всяких «высокопьющих» причин понизится на 10° по сравнению с первоначальной: этого уже вполне достаточно для возникновения нового оледенения...

Как видим, вновь одна причина вызывает множество сложных последствий. Если бы сегодня перед человечеством действительно встал бы проблема уничтожения ледников Антарктиды, наука не смогла бы с полной ответственностью перед будущим определить, целесообразно ли уничтожать ледники... Однако изменение природы в широком масштабе — это реальное будущее человечества, наш завтрашний день. К сожалению, чем ближе становится этот день, тем отчетливее ощущается разрыв между техническими возможностями воздействия на природу и нашими знаниями о том, как поведет она себя. Разрыв этот может быть ликвидирован, но для этого необходимо заглянуть в будущее естествознания, выделить и поддержать те научные дисциплины, которым предстоит взять на себя ответственность за грядущее преобразование природы.

В прогнозировании будущего науки у нас уже выработался определенный стандарт — признается первенствующая роль ядерной физики, пишется о большом значении химии, о близком расцвете биологии. Все это правильно, однако ни физика, ни химия, ни биология не скажут нам, как изменится природа земного шара, если исчезнут ледники Антарктиды... Это может сделать другая наука. Вы не найдете упоминаний о ней в периодических высказываниях руководителей Академии наук, философов и диссидентов, в фундаментальной сводке Д. Бернала «Наука в истории общества» она даже не называется в разделе, посвященном нашему времени... И все-таки науке этой, по моему мнению, суждено потеснить признанных лидеров — я имею в виду физическую географию.

Едва ли есть еще наука, о содержании и задачах которой среди неспециалистов бытует столь превратное представление. В сущности, физическую географию обычно понимают как некоторую систему знаний о том, что Волга впадает в Каспийское море, а Эверест — высшая точка земного шара... Некогда география действительно была «землеописанием», но содержание ее давно изменилось коренным образом. Физическая география наших дней — это наука, изучающая закономерности формирования и развития сложного комплекса природных явлений, приуроченного к земной поверхности. Комплекс этот принципиально отличается и от инженерно-геологических частей планетологии, и от вышерасположенных образцов целостности, единую сферу или оболочку, охватывающую весь земной шар, которая получила назва-

ние «географическая оболочка» или «биосфера». Важнейший отличительный признак этой оболочки заключается в том, что она состоит из четырех взаимодействующих и взаимопроницаемых сфер: литосферы (твердое вещество), атмосферы (газообразное вещество), гидросферы (жидкое вещество) и биосферы (жизнь). Все изменения, которые претерпевают природные условия у поверхности земного шара, объясняются сложнейшими взаимодействиями, взаимовлияниями этих сфер и поступающей из космоса солнечной радиации. В данном случае особенно важно подчеркнуть, что на всякое воздействие или изменение этой оболочки реагирует как единое целое; те или иные нарушения обычного режима в одной части непременно сказываются на других ее частях.

Но как возникло это образование? Естественно, далеко не сразу. Несколько миллионов лет назад на поверхности недавно возникшей Земли не было ничего, кроме горных пород, нагретых и освещенных солнечными лучами. Лишь в процессе эволюции возникли воздух, вода, создались предпосылки для появления жизни, и наконец, жизнь достигла бурного расцвета, появился человек. Главное в биосфере заключается в том, что она продолжает сложнейшую из всех известных нам эволюций, что в ее пределах наиболее свойства материи выкристаллизовались в жизнь. Отсюда и название — «биосфера», то есть «сфера возникновения жизни».

За многомиллионную историю развития биосферы широчайшее распространение получили то пустыни, то влажные леса и болота, несколько раз наступали эпохи великих оледенений... Почему? Вот этого мы и не знаем. Все дело в законах, управляющих развитием биосферы, а они до сих пор остаются неизвестными. Но если известны основные законы развития, то очень и очень непросто разобраться в перепутанном клубке причин и следствий, приводящих то к оледенениям, то к распространению пустынь, очень трудно обнаружить, что же все-таки обусловило изменение природных условий... Пренебрежение общими законами развития биосферы и привело к тому, что до сих пор наука не располагает строго доказанными теориями, объясняющими изменения климата, причины оледенений и т. п., — нельзя познать частное, не зная общего.

Если бы все эти проблемы были далеки от практики, быть может, и не стоило бы сейчас говорить о них. Но они имеют самое непосредственное отношение к ближайшему будущему. Давно уже существует мечта об изменении природы Арктики, о продвигании сельского хозяйства на побережья северных морей. Но сравнительно недавно широколиственные леса росли на арктических островах, — останки их были найдены в 1868 году, и с тех пор не прекращаются споры о причинах появления лесов так далеко на севере... Человечество не откажется от мечты преобразовать Арктику, и разве не очевидно, что для успешного осуществления ее необходимо знать, какие законы развития биосферы привели когда-то к потеплению, чтобы уметь использовать их?

Еще старше мечта о превращении пустынь в цветущие сады... Несколько миллионов лет назад на берегах Арабского моря, ныне окруженного пустынями, росли леса из бука, дуба, граба, секвойи... Сказать, что в то время было более влажный климат — значит ничего не сказать.

Несколько десятилетий бьются ученые над проблемой Каспийского моря — этот гигантский водоем мелеет, ухудшаются условия судоходства, рыболовства. Удовлетворительный ответ до сих пор не найден. Очевидно, его проще было бы найти, если бы мы лучше представляли себе направление развития природы. Пример этот лишний раз подтверждает и трудность поисков причин в таком сложном образовании, как биосфера...

Естественно, что любое крупное преобразование природы потребует глубокого, полного знания взаимосвязей процессов, протекающих в современной биосфере. Повторю, какие-либо изменения в одной части непременно сказываются на других ее частях. Когда уменьшается ледовитость северных морей, уровень Каспия начинает понижаться, а следом за ним с интересом в два-три года падает и уровень озера Мичиган в Северной Америке. Таяние ледников Арктики ускоряет рост коралловых островов в тропической полосе Тихого и Индийского океанов. Совсем недавно наше слабое знание процессов, протекающих в биосфере, едва не привело к печальным последствиям. Американцы предложили сбрасывать радиоактивные отходы в глубины океана, и лишь своевременно проведенные советскими океанологами работы показали, что это приведет к заражению мирового океана, а следовательно, и атмосферы.

В свете сказанного становится ясна еще одна проблема, пожалуй, самая трудная, которая непременно возникнет перед будущими преобразователями природы. Одним из американцев выступил с проектом, предлагающим отклонить теплые течения Гольфстрим от берегов Европы и направить его к берегам Северной Америки. Проект этот — американский по своему существу (улучшение климата Америки за счет Европы). Для передовых ученых, особенно для советских ученых, придерживающихся высоких гуманистических принципов, подобный подход к изме-

нению природы немалым. Стало бы, приступая к изменению природы крупных районов, ученые обязаны будут предсказать не только те изменения, которые произойдут в данном районе, но и те, которые могут произойти в природе других районов земного шара. Если, скажем, улучшение климата Азии (я беру условный пример) поведет к ухудшению климата Австралии, — от такого проекта придется отказаться. Вот еще одно доказательство необходимости всестороннего познания планетарных процессов, протекающих в биосфере.

Приведенные выше соображения свидетельствуют, что настала пора активно, целенаправленно развивать теорию физической географии. Но, заглядывая в будущее естествознания, необходимо сказать еще об одной науке. Выше я писал о направленном, сознательном преобразовании природы в целях более благоприятного распределения ее ресурсов. Но человечество изменит и будет изменять природу просто потому, что живет на Земле.

Наука уже давно констатирует факты влияния общества на природу и (что реже) природы на общество. Но самый процесс взаимодействия человечества с природой, особенно активизирующийся за последние столетия, до сих пор фактически не изучался. По мысли автора, естественно-исторический процесс взаимодействия человечества с природой должен изучаться специальной наукой — натуросоциологией.

Чем вызвана эта необходимость? Если предоставить каждому человеку по одному квадратному метру площади, то все человечество уместится на территории длиной и шириной немногим более 50 километров, то есть, вообще говоря, людей не так уж много на Земле. Но активность взаимодействия человечества с природой зависит прежде всего от уровня развития производительных сил, а они возрастают стремительно. За последние пять столетий человечество извлекло из Земли не менее 50 миллиардов тонн углерода, 2 миллиарда тонн железа. Общая лесная площадь в настоящее время оценивается в 3250 миллионов гектаров, а несколько сот лет назад она была не менее 6900 миллионов. Искусственно орошенные площади на земном шаре составляют не менее 100 миллионов гектаров. Созданы водохранилища, сравнимые по размерам с крупными озерами...

Как видно, активность взаимодействия очень высока. Необходимо помнить, что в силу диалектического единства человечества и природы любое воздействие общества на природу через некоторое время возвращается к обществу. Если же человек будет действовать так, что в конечном итоге нанесет вред природе, то в конечном итоге нанесет вред и самому человеку.

МЫСЛИ О ЕСТЕСТВОЗНАНИИ БУДУЩЕГО

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
все теплое, в шубках и шапках-ушанках, они безмолвно, неподвижно сидели рядышком на кровати в очень холодной комнате, сидели и молчали... ждали очередной порции.

И Галка ни разу не попросила есть раньше срока. Но съез какую-нибудь столовую ложку соевой каши или блюдечко дрожжевого супа с крохотным кусочком хлеба, она обязательно вздыхала, улыбалась и, заглядывая в сумрачно, полное круто сдержанного отчаяния лицо матери круглыми своими милыми глазами, говорила заговорщицким тоном:

— А когда в следующий раз «фрицы» к нам под Ленинград придут, мы все булки в чемоданы спрячем. Вот они у нас их и не отнимут.

Она уже знала, что это «фрицы» — немцы — отняли у нее лицо, что это из-за них она и Вадику не могут играть, радоваться, а могут только вот так, безмолвно, сидеть, прижавшись друг к другу.

Надо сказать, что к мысли о «фрицах», о врагах, Галка возвращалась очень часто — с каждым годом блокады все чаще. Если они проходили на прогулке с матерью мимо разбомбленного дома, она непременно спрашивала:

— Мама, а в этом доме кого фриц убил?
Мать отвечала односложно и урюмо:
— Мальчика.

Шли дальше.
— Мама, а вот в этом доме кого фриц убил?
— Старушку.

Но если Галка не плакала и не просила есть, понимая, что этого делать нельзя, то когда начинался воздушный налет или артиллерийский обстрел, она начинала метаться, как-то совсем не подтепски тосковать, беззвучные крупные слезы бежали у нее по щекам, и, поднимая к матери умоляющие глаза, она спрашивала:

— Мама, ну почему фриц хочет меня обязательно убить?
— Потому что он — фриц. Немец. Галка продолжала молча плакать.

— Ну, что ж ты плачешь, Галочка, — утешала мать. — Мы же в первом этаже. Он сюда не попадет. Ты же у меня храбрая, не бойся.

— Я не боюсь, — отвечала Галка, когда ей было уже почти 7 лет. — Нет, я не боюсь. Мне обидно...

«Нельзя, чтобы плакала дитя»... А дитя плакало от обиды, что его зачехотят убитым...

Рокот самолетов в небе, свист бомбы пронизывали Галку неистовым страхом, и она не любила даже смотреть на небо.

воздействие общества на природу через некоторое время возвращается в виде ответного воздействия природы на общество. — иначе говоря, что посыл, то и поменьше. Незнучность этого вопроса беспокоила еще Ф. Энгельса. Рассуждая об активном вмешательстве человека в естественный ход развития природы, он писал: «если уже потребовались тысячелетия для того, чтобы мы научились в известной мере учитывать заранее более отдаленные естественные последствия наших, направленных на производство, действий, то еще гораздо труднее оказалась эта наука в отношении более отдаленных общественных последствий этих действий». Энгельсу же принадлежат крылатые слова, что природа «мстит» человеку при неумелом и непродуманном хозяйничанье.

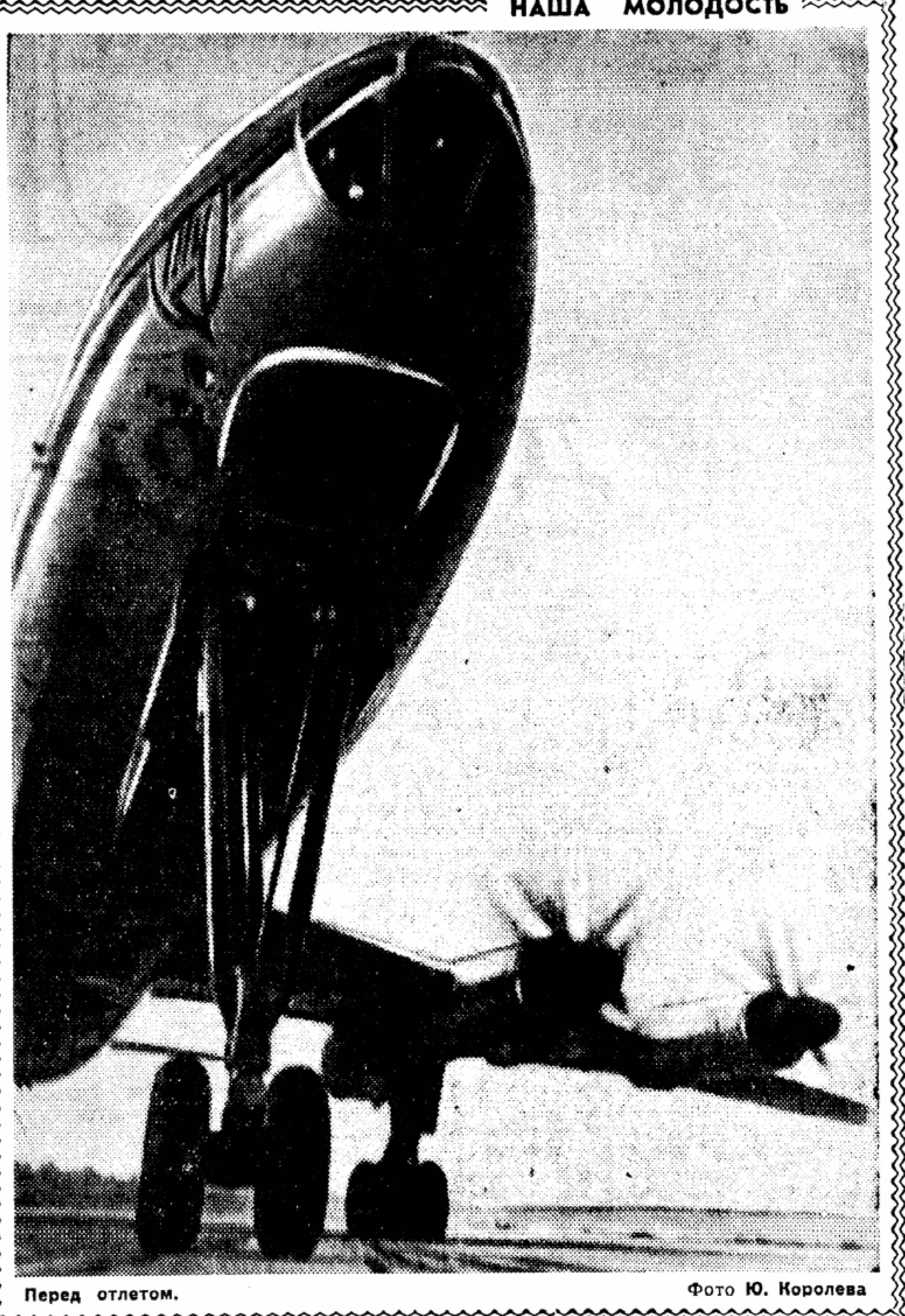
По американским данным, в результате вот такого хозяйничанья в США от общей площади взрослого леса осталось около одной трети. Площадь пустынь увеличилась вдвое. Активная эрозия почв распространена на площади 857,3 миллиона акров (45 процентов территории США). В результате, с полей и пастбищ США ежегодно смывается 3 миллиарда тонн почвы.

Можно ли допустить мысль, что все это не сказалось так или иначе на населении страны? И еще долго будет сказываться между прочим потому, что когда-нибудь придется восстанавливать разбазаренные ресурсы.

У человечества не было возможности предотвратить эти печальные последствия, потому что взаимодействие общества с природой протекало стихийно, хаотично, что и соответствует характеру капиталистической экономики.

Но это — уже прошедшее. А будущее... И тут мы подходим к главному. Будущему коммунистическому обществу, несомненно, по силам окажется планирование всего процесса взаимодействия человечества с природой.

Неизбежность планирования процесса взаимодействия человечества с природой, необходимость учета новых форм влияния на природу уже в предвидимом будущем и требует изучения колоссального исторического опыта, накопленного человечеством в «борьбе» с природой. Человечеству всегда предстоит жить на Земле, поэтому изучать о грядущем изменении природы нужно уже сегодня. И развитие теории физической географии следует считать первоочередной задачей. Еще недавно приходилось слышать, что разработка теоретических проблем физической географии — это «отрыв от жизни». Но с таким же успехом можно было обвинить в «отрыве от жизни» пятдесятилетнюю физику, занимавшуюся ядерными проблемами, и аналогия эта не случайна.

Перед отлетом. Фото Ю. Королёва

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

АШХАБАД Осенью отмечается 225-летие со дня рождения основоположника турменской классической литературы поэта Махтумкули. В Ашхабаде вышел сборник высказываний ученых и литераторов о поэте. Готовится и выйдет в свет одноименный Махтумкули. Киностудия «Турменфильм» приняла к постановке сценарий фильма «Махтумкули», написанный А. Карлиевым, Б. Нербайевым и Л. Соловьевым.

ВЛАДИВОСТОК Труженник Приморья любовно, по крупицам, собирают документы и воспоминания, связанные с жизнью и деятельностью его земляка Александра Фадеева. Интересные воспоминания опубликовала краевая газета «Красное знамя». Автор воспоминаний А. Колбин рассказывает о первых шагах А. Фадеева в революционный журналистике, о его пародийной повести «Апачи и комачи».

ДОБРОЕ УТРО, ЛЮДИ

Маленький низкорослый человек, гуляя по улицам в минуты затишья, она смотрела больше себе под ноги и, услышав полет самолета, бежала в подворотню.

И вот настал день, когда Ленинград салютовал в честь полной ликвидации блокады. Мать вывела Галю и Вадику на улицу, и они встали рядом со своим подъездом, напугив угла Гостиного двора. А на углу Гостиного двора встал громадный плакат, изображавший фашиста в каске с рогами, гориллообразного, несшего в вытянутой руке окровавленную женщину.

Раздался первый торжественный, праздничный, победный залп. Миллионы сверкающих огней взлетели в небо, и дети подняли глаза, следя за неистовым зрелищем, за каскадом огней, стремглав летящих в небо и падающих оттуда.

Но в ту минуту, как Галка подняла глаза, взгляд ее упал на плакат напротив нее, на плакат, ярко озаренный победным огнем.

— Мама, — замерев, спросила Галка, — что это такое?
— Это фриц, — ответила мать.

И Галка больше не отрывала глаз от плаката. Она смотрела на эту гнусную рогулатую гориллу и тихонько повторила: — Так вот он какой, — «фриц»... Так вот, значит, какой он...

Мать испугалась этого шепота. Она стала тормошить девочку. — Галка, Галенька! Да ты посмотри на огоньки! Не смотри ты на эту дрянь!

Но Галка не смотрела на фейерверк. Она неотрывно смотрела на своего врага, который отнял у нее хлеб, который непременно хотел ее убить, смотрела и шептала:

— Так вот он какой, — фриц... Наступила весна. Вадику и Галю целыми днями могли играть теперь в садике возле их дома, — ведь обстрелов и бомбежек больше не было! — в свере около Александринского театра. И вот однажды в полдень Галка пришла с прогулки необычно притихшая, задумавшаяся как-то слишком глубоко и важно для ребенка. Она повздыхала, походила от окошка к окошку, потом подошла к матери и сказала:

— Мама, знаешь, а я сегодня живого «фрица» видела... Тут надо сказать, что очень мало кто из нас, ленинградцев, видел живых немцев во время блокады. Мы имели дело с врагами-немецкими, что это было, наверное, мучительнее, чем иметь дело с врагом, лицо которого видишь.

— Да же ты его видела? — спросила мать.
— А мы в свере играли, и вдруг мальчишки прибежали и кричат: «Ребята, ребята, поймайте живых «фрицев», ребята, они Александринку ремонтируют». Ну мы и побежали. И мальчишки стали кругом них прыгать и драться; я вот тут и увидела живых «фрицев».

— Ну и какие же они?
Галка замалась, потупилась и сказала тихо:
— Знаешь, мама, они худые, зеленые такие, как наши дистрофики.

— Ну и как же ты их дрязнила?
Галка потупила еще больше белезную, чуть вынута улыбка озарила ее лицо. Но она прошептала внятно и твердо:

— Я не дрязнила. Я подошла к одному и сказала ему: «Гутен морген, фриц!» И знаешь? Он меня по голове погладил!

И она взглянула на мать и снова смущенно улыбаясь, чего-то стыдась, чему-то удивляясь и радуясь, чего она еще не могла понять умом.

Я вспомнила о Галином «гутен морген, фриц» тогда, когда мы с немецкими товарищами ходили по весеннему Ленинграду, озаренному утренним солнцем, после встречи в «Астории», как бы омытые теми песнями, теми объединяющими нас на всю жизнь драгоценными идеями и образами, которые вызвали эти песни.

Мы ходили, озадаченные тем, что, несмотря на бездонную реку крови, пролившуюся из-за «Третьего лихнега» между нашими народами — двумя самыми трагическими народами мира, — мы все же можем по-человечески общаться друг с другом, общаться искренне и чисто сердцем, так же, как Галка сказала пленному немцу: «Гутен морген, фриц», что, несомненно, означало для нее: «Доброе утро, человек!»

И как же радостно мне было обратиться этой Галино приветствие к только что обретенным новым друзьям моим! Но я тогда не рассказала им, что это для меня значит, — показалось неуместным, и так уж вечер был перенасыщен, и сердца наши еле выдерживали горькое, терпкое счастье его.

Я дважды видела после этого с Анной Зегерс, человеком и писателем, которого я люблю все больше и больше. Приезжал в Ленинград на просмотр и обсуждение своего фильма о Тельмане Михаиле Чесно-Хельм, и мы два дня подряд встречались, много и сердечно говорили о прошлом, о настоящем, о будущем. И каждый раз, когда я встречалась с немскими товарищами, или читала их книги, или дала о них, — неизменно само собой проносилось внутри и звучало все светлее и тверже: «Гутен морген, фриц». И думалось: да вот это и есть то самое главное, самое простое и самое ясное, что нужно сказать людям друг другу, чтобы никогда не повторился ужас войны минувшей и не настал еще больший, крошечный, безвыходный ужас войны атомной.

— Доброе утро, Человек, — ведь вот главное, что нам нужно сказать друг другу.

Нет, я вовсе не призываю к всеполюскому всепрощению. Мы никогда не простим Галиных слез и ее обиды фашистам, ни их тогдашним, ни теперешним, ни их потомкам. Но в 1945 году, идя по Германии, карая гитлеровцев, уничтожая фашизм, советские бойцы прежде всего кормили голодных немецких ребятшек: они-то, бойцы, слишком хорошо знали по собственному опыту, что такое голодное, обнищенное, плачущее дитя! А ведь «нельзя, чтобы плакала дитя!» И недаром в Берлине над могилами павших победителей высоко и незбылемо стоит солдат, расквашенный мечом свастики и прижавший к груди ребенка... И мне все кажется, что ребенок этот — девочка — похож на нашу маленькую блокадницу Галю...

Я вспоминала Галю недавно, когда у Свердловска был сбит самолет Пауэрса. Я, как и все, не слышала, конечно, его полета, но, думая о нем, я все время вспоминаю, как пугалась Галка сверлоного рокота самолета над ней, — и словно слышу вновь его сама. Да, это над Галкой, над всеми детьми, над народами, испытанными самые тяжкие муки войны и сумевшим сказать: «Добрый день, люди!», над народом, который предложил сделать то единственное, что необходимо, чтобы навсегда исчез «Третий лишний», чтоб исчезла война — это над ним пронеслась тень тогда — фашистского — самолета времен Отечественной войны.

И это больше, чем шпионское вторжение, больше, чем нарушение нашего воздушного пространства: это провокационная попытка подорвать доверие людей в мирные переговоры, попытка уничтожить их надежду на мир, на возможность и счастье ежедневно гово-

рить друг другу: «Доброе утро, человек!»

Самолет Пауэрса и все, что снаряжал его, и все, кто оправдывал и оправдывает его вторжение в наше небо, — все это еще раз тяжелейшим образом обидели Галю, оскорбили всех, кто ждал мира.

Они похода предали встречу американских и русских солдат на Эльбе, когда, перейдя зону ничейной земли, в полдень 25 апреля 1945 года на заливающую кровью береги они братски обнялись и поклонились друг другу, сделав все, что от них зависит, чтоб создать лучший мир. Но наше доверие к человеку прочно, наша уверенность в возможности мира неизбываема, ее не подорвать, — так же, как не уничтожить нашу ненависть к фашистам, к фашизму, каким бы национальным флагом он ни прикрывался.

...Мой Углич, мой город детства, больше не снится мне после того, как я семь лет назад побывала в нем. Он не снится мне даже таким, каким я увидела его в 1953 году. Может быть, это оттого, что между той поездкой и сегодняшними моими днями легла такая радость, которая не причеснит, и горе, от которого нельзя уснуть.

Зато досадно часто снится мне будущая война. Мне снится, как в воздухе появляются огромные летательные аппараты, похожие на дирижабли воздушного заграждения. Они бесшумно движутся на меня, на мой город. Тут главный страх в том, что все происходит бесшумно. Это начало всеобщей гибели, и прежде всего в мире умер звук. Никто и ничто не издает ни единого звука... И то, что должно петь, не поет; и даже то, что должно шептаться, не шепчется... Все безмолвно, все происходит в уже мертвой тишине.

Безмолвно летят громадные серебряные сиринги-дирижабли, безмолвно падают бомбы, не свистят, не урча, как раньше.

И вот я вижу — высоко в небо, совершенно безмолвно, надо мной поднимается огромный розовый диск. Я лежу навзничь, я смотрю на очень синий небо и вижу, как он там бесшумно разламывается пополам и розовые его стены начинают падать на меня. Гибель происходит в полной тишине. И если я даже крикну или попытаюсь застонать, — меня никто не услышит; звук в мире уже не рождается. Планета глуха и нема. И вот когда уже кажется, что гибель неотвратима, — рождается звук, и я слышу, какой-то голос властно и четко крикает: «Вста!»

— Вста! Это — сон.

И я просыпаюсь и несколько минут лежу в глубоком изменении, бессильная, как-то бессильно радуясь, что это был сон, и с отравленным воспоминанием его. Я знаю, что у Родины моей достаточно сил, чтобы этот сон никогда не стал для нее явью. Но я не хочу даже видеть таких снов, я хочу, чтоб никто, нигде их не видел. Я хочу просыпаться с ощущением, что за окном — огромный, дружный, работающий мир. Мир, где нет ничейной земли ни между союзниками, ни между противниками. Нет ничейной земли, но есть земля цветов и злаков, земля деревьев и зверей, земля труда и любви — человеческая земля. Мир, звучащий миллионами звуков. Нет, он совсем не нем — он может сказать все, что хочет, он вовсе не глух — он услышит каждое слово добра и правды. И то, что должно петь, поет, и что должно звенеть, звенит, и даже то, что только должно шептаться, — шепчется... Мне хочется проснуться и подойти к окну, открытому в такой мир, и сказать так, чтоб это услышали народы и каждый человек в отдельности:

— Доброе утро, люди!

НАША МОЛОДОСТЬ

Подруги-текстильщицы. Фото Л. Портера

ИСПОВЕДЬ БЕЗ ПОВОДА

«ПРОДОЛЖЕНИЕ легенды». «Горный ветер». «Падь земли». «За бегущим днем». Книжки, где повествование ведется от первого лица, стали в последнее время появляться значительно чаще, чем раньше. Случайность? Может быть, и так, а может быть, и нет. Не является ли это косвенным свидетельством стремления писателей к более глубокому проникновению в характер нашего современника? Ведь известно, что форма «романа-дневника», «романа-исповеди» уже сама по себе предполагает тщательный и до конца доведенный анализ отдельной человеческой личности во всей полноте ее внешней и внутренней жизни.

«Роман-исповедь» — трудный жанр. Трудность — в том, что автор здесь не уходит за кулисы действия своей книги, как это бывает в обычном романе, и не сливается с героем-рассказчиком, как это бывает в романе автобиографическом. Он перевоплощается! На протяжении двухсот — трехсот страниц своей книги он носит на плечах костюм своего героя — «костюм» его чувств и мыслей, вкусов и взглядов. И на протяжении тех же двухсот — трехсот страниц он ни единого разу не должен отступить от свойственной этому герою речевой манеры, как правило, совсем не совпадающей с речевой манерой самого писателя. Но и это еще не все! Перевоплощаясь, он в то же время не имеет права «расторгнуться» в своем герое, без остатка, он должен одновременно жить в герое и над ним.

Новый роман А. Чаковского также вылился в форму «романа-исповеди». Молодой инженер Андрей Васильевич Арефьев рассказывает о нескольких месяцах своей жизни. Роман посвящен знаменитому событию — строительству тоннеля, и дело тут не в каких-то временных, но в идеальной борьбе за характер молодого коммуниста.

Со всем тем представляется очевидным, что роман «Дороги, которые мы выбираем» не стал удачей нашей литературы, и произошло это, думается, потому, что писатель пренебрег основными требованиями избранного жанра. Требованием полноты характеров — прежде всего. Стройка, которой руководит Андрей Арефьев, главный герой романа, систематически недополучает необходимый для бетонирования тоннеля, и дело тут не в каких-то временных, но в идеальной борьбе за характер молодого коммуниста.

А. Чаковский. «Дороги, которые мы выбираем». Журнал «Знамя», № 1—3, 1960.

строительство тоннеля: Андрей Арефьев представляет в романе тех, кто в борьбе с ним находит выход из сложившегося трудного положения. Чистота побуждений и чувств, соединенная с предельно высокой и неопытностью, высокие, подлинно коммунистические требования к себе и к другим, наконец, и это самое главное, страстная поглощенность делом — вот те черты характера героя, которые действительно показаны в книге, раскрылись в самом ее действии.

Но «черты характера» — это еще не характер. В книге бы замаскированы сюжетные фигуры, ни закручиваясь история с элементом, история эта все-таки имеет слишком частный смысл для того, чтобы герой мог в ней вполне раскрыться.

Нельзя думать, чтобы автор не понимал этого. Но, указав читателю еще две три сферы, в которых живет его герой, он ни в одну из них не углубляется, обо всем говорит бегло и вскользь. В одном месте книги Андрей Арефьев упоминает о своей матери: «...я подумал: «Поеду в Сибирь, навещу мать». Но, доехав до Москвы и получив в министерстве разрешение на новый способ крепления пород, он возвращается обратно, даже не вспомнив о своем прежнем намерении. Не трудно догадаться, что это единственное упоминание о матери потребовало автору лишь затем, чтобы как-то объяснить важную для развития сюжета посылку. «Я люблю Запояр!» — восклицает герой в первой главе, и во всех последующих главах попросту не замечает окружающей его природы. И так во всем. У него есть друзья и враги, есть товарищи по работе (а до этого были студенты и школьники), есть любимая девушка, однако и дружба, и любовь, и вражда, и отношения с товарищами — все это где-то за сценой и не занимает в книге почти никакого места. Мы не видим, как он ненавидит и любит; мы не знаем, что он делает по вечерам, от кого получает письма, чем, кроме цемента, интересуется.

Арефьев аттестован в романе как человек пылкий, горячий, увлекающийся. Но в его отношении к людям — близким и дальним — слишком много недоверия, настоятельности прямо-таки воинствующей подозрительности (молодому геологу Ирине Волошиной понадобилось рассказать ему биографию, прежде чем он стал относиться к ней без предубеждения), чтобы можно было почувствовать в нем ту серьезную и чуждую к людям, и человеческим нуждам, которые сам же Арефьев находит в первом секретаре отдела, когда встречается с ним после долгого времени, после больших исторических изменений, происшедших в стране. А ведь Арефьев рекомендует автором как положительный герой времени.

Не видим мы и того, как он работает. О своей ежедневной работе Андрей Арефьев тоже только упоминает, причем в самых общих выражениях. Когда цемента не хватает, ему кажется отвратительным лицемерием всерьез говорить о том, что не оказывает большого влияния на ход работ в тоннеле. А те недели, когда с помощью обкома партии цемент доставляется в достаточном количестве, он... пропускает воле.

«Не всегда важно — что говорит, но всегда важно, как говорит» (Горький). В «романе-исповеди», где индивидуальность героя-рассказчика в очень большой степени выражается и закрепляется именно во речевой манере, история эта особенно неудачно и в иных случаях спорит с автором, говорит читателю о героях совсем не то, что хотел сказать автор. В новом романе А. Чаковского дело, к сожалению, обстоит именно так. Раскрываем наудачу книжку журнала:

«В чем же истинная цель статьи? В том, чтобы лишний раз сказать о наших затруднениях? Или, может быть, в том, чтобы снять с себя ответственность, иметь возможность потом заявить: вы видите, я не только обращался к начальству, но даже выступил в газете.

Однако было и другое обстоятельство, меня обстоившее. Мне казалось, что Полесский, заказывая мне статью, меньше всего беспокоился о наших затруднениях и о том, как их устранить. Ведь он даже не распустил меня толком, как идет дело на строительстве, имел ли какая-либо реальная возможность исправить положение».

Эти безлично-правильные фразы, эта пресность и неоригинальность слова могут создать в нашем воображении лишь образ человека сухого и бесцветного, а уж никак не образ молодого энтузиаста, каким рекомендовал Андрей Арефьев. Речь других героев романа также скорее стирает, нежели выявляет индивидуальности.

Есть в книге такой разговор:

«... Не хочу заниматься интроекцией.

— Чем?

— Интроекцией. Ну, вкладыванием мысли в мозг».

Что касается А. Чаковского, то в романе «Дороги, которые мы выбираем» он слишком часто занимается интроекцией: вкладывает в мозг героя свои собственные мысли и оценки, далеко не всегда сообразуясь с его возрастом, характером и с внутренней логикой его «исповеди». Так рождаются публицистические «отступления» и те безосновательно проницательные характеристики окружающих, которые нехорошо «толкуют» тем, что заставляют читателя теряться в догадках, кто перед ним: выбирающий жизненную дорогу юноша или многоопытный, мудрый старец?

Известная фраза Лермонтова о том, что история человеческой души может быть не менее любопытна, нежели история целого народа. Не

Новости ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

В ЭТОМ году известному французскому поэту Жаку Превьеру исполнилось шестьдесят лет. Но первую сборнику его стихов «Слова» — исполнилось только четыре года. Эта книга вышла в 1946 году скромным тиражом в пять тысяч экземпляров, в настоящее время ее общий тираж достигал во Франции 340 тысяч. Издать «Слова» было нелегко, для этого пришлось продать большую «сборительную» работу, так как многие стихи Превьера существовали только в разрозненных друзьях рукописях, а то и просто лишь передавались из уст в уста.

Однако литературная деятельность Превьера началась задолго до выхода первого сборника его стихов. Он много и плодотворно работал как сценарист и драматург. Его антивоенная пьеса «Битва при Фонтену» в исполнении французской труппы «Группа Октобры» получила в 1933 году в Москве первую премию на Международной олимпиаде рабочих театров.

Драматургия, поэзия, создание песен органически переплетаются в творчестве Превьера, впитавшем в себя живую речь парижских улиц и предместий. Талант Превьера с особенной силой проявляется в его лирических и сатирических произведениях. Поэт легко высмеивает буржуазную мораль, военный психоз, калечащую людей власть денег. Его протесту иногда свойствен несколько анархический характер, но это не умаляет обличительной силы его слова.

Недавно Жак Превьер по просьбе «Литературной газеты» прислал нам несколько сборников своих стихов — «Слова», «Зрелища», «Дождь и солнце». Ниже мы печатаем переводы из этих книг.

Жак Превьер. Стихи разных лет.

О НОВОМ РОМАНЕ А. ЧАКОВСКОГО

* РАССКАЗ

О. ИОСЕЛИАНИ

* СТИХИ

французского поэта

* ПИСЬМО

ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

к горлу людей доброй воли. к горлу тех, кто нас обвиняет в каких-то махинациях страных в отдаленных странах нашей необъятной французской империи.

но — со взглядом, требующим доверия, — как люди на редкость честные, мы отвечаем, сделав честнейшие мины:

— Смотрите! Наши руки — полны, следовательно мы — невинны. Танцуй, молодежь, в Кань-сюр-Мер, танцуй, молодежь, всех стран, всех до единой, всех до единой, над которыми меч войны занесен, танцуй, обнимай мир, ему делаются в спину, но в объятьях твоих он становится неуязвим. Мир — и хрупкий, и легкий, и славный, древяный, ветхий и неисправный... Танцуй, молодежь великого мира рабочих,

и если войны не хочешь, — перделывай мир.

С Е Н А

Кань-сюр-Мер, ноябрьское солнце, декабрьское солнце воспеватели:

заголовки в газетах и вездесущее радио. Голоса бестелесные, уверенные и утвержденные сообщают новости свежесписанные с полей последних сражений, и снова подражники смерти, стронтели монументов, рыщут по Новой Европе, вербуют себе клиентов.

— Алло! Алло! Слушайте, слушайте! Продолжаем нашу передачу.

Передаем, передаем, но не спрашивайте,

кто уже передал смерти, и почему.

Его смерть — это наше дело, это — дело страны, на каждой из наших медалей, с оборотной ее стороны, гравер почтительно вырезает имя его как положено,

как выкладывает кремю имя на торте в честь новорожденного.

— Алло! Алло! Слушайте, слушайте! Продолжаем нашу передачу!

Ни с места! Ни с места! Ни с места! Знамя цвета белого красного и небесного

парит над строительством Новой Европы,

которая скоро будет готова.

— Алло! Алло! Помните внимания.

Дайте нам все доверит спокойно, и вскоре Гранция и Ферманция, наследственные друзья,

сестры по Риму и по латыни, наконец друг друга нашедшие ныне, научат бодрого галльского петуха ходить гусиным шагом под Триумфальной аркой великого Наполеона, с ликом долго в забвении погребенного,

и приведут в движение огнеметы с могилы Незвестного солдата —

готовят великая расплата за отступление из России.

И разумеется, как во дни великого прошлого, шага должна быть приставлен?

У Сены — завидная доля, Сена не знает забот, медленно и прывольно течет из источников дальних, ничем ты ее не смущишь, она не бывает печальна, когда ты о чем-то грустишь, спокойно течет она к морю, течет через город Париж. У Сены завидная доля, Сена не знает забот, в платье своем зеленом вдовь небережных идет. Сена в изобилии платит и в золотых огнях, и Нотр-Дам — фанатик, в камнях одетый монах, глядит свысока на Сену, недоброе прятая в глазах. Но Сене навязать на это, Сена не знает забот, медленно и бесцельно течет она к городу Гавру, течет, как река мечты, в долине чудес Парижа, в долине его нищеты.

О Б Л А К А

Я пошла за своим купальником, за своим шерстяным купальником, и козленок пошел за мной, серенький, маленький, наследственные друзья, сестры по Риму и по латыни, наконец друг друга нашедшие ныне, научат бодрого галльского петуха ходить гусиным шагом под Триумфальной аркой великого Наполеона, с ликом долго в забвении погребенного, и приведут в движение огнеметы с могилы Незвестного солдата — готовят великая расплата за отступление из России. И разумеется, как во дни великого прошлого, шага должна быть приставлен?

Перевод с французского Н. РАЗГОВОРОВА

ОТИА ИОСЕЛИАНИ

Отиа Иоселиани. «Девушка в белом».

Я СДАЛ последний экзамен, попрощался с друзьями, сложил в чемодан все свои вещи: зубную щетку, земляничное мыло, бритву, карманное зеркальце, пузырек с чернилами и маленькие ножницы со старшими никелем. Книжки перетнул шпагатом. Сел на первый попавшийся грузовик, пересел на другой и к вечеру открыл калитку своего дома.

— Вот я и вернулся, мамочка!..

...Председатель принял меня хорошо. Дружески похлопал по плечу и сказал:

— Назначим тебя бригадиром! Ты — молодой, техник-агроном. А старина Гермоген пусть отдохнет. Ну как?

...За дело я взялся с душой: вставал с первыми петухами и до поздней ночи — на ногах.

Бегаю, как угорелый. То в гору бегу, то под гору, то у одного двора ирчу:

— Серанион!

То у другого:

— Ивано, Ивано!.. Не подведи, ради бога, не зарежь без ножа!

А этот чертов Бесо! И зачем только он завел такого пса? Или боится, как бы у него женихи дочь не похитили?..

Наконец всех обошел... Теперь — в поле. Оттуда на плантации. А там весь день мотается из стороны в сторону. Сами понимаете: сорт чая, вес, погрузка, пересылка на фабрику... Иду и думаю: давай сегодня напрямик махну: канал, наверно, обмелел... Свернул с проселочной. Иду и радуюсь. Не знаю, чему... Наверно, тому, что впереди много работы, тому, что я бригадир, техник-агроном... совета у меня спрашивают. И очень хорошо на душе. Может, оттого, что моя мама никак от счастья в себя не придет, или оттого, что набору трудностей и куплю себе новый костюм. перестрою прогнившую от дождей стелу... Шагаю себе между заборов.

Красное у нас село! Тополя растут... Уже в феврале цветет темляки. У каждого свой виноградник. А перезревшие груши даже поросята не трогают. Дома у всех стоят на высоких сваях. Скому дому построят свой кубок.

Вышел я за село, и начались кочки, овражки, ухабы. Вот ручей бежит. Здесь всегда грязно, и в дождь, и в жару. По обочине дороги растут гранаты.

Боюсь угореть в джунгли, отхожу в сторону, еще, еще, бух! — гранат по голове, как злобный кулак. Что за черт! И кто только гнал

Отиа Иоселиани родилась в семье колхозника в селе Гвятишви, что принадлежало до революции к Цхалтубо. Она до сих пор остается жителем своего родного села. Здесь он начал писать, и в 1934 году его рассказы регулярно печатаются в грузинских газетах и журналах. Вскоре в Тбилиси вышел в свет сборник детских рассказов Отии Иоселиани, а осенью 1957 года молодой автор был принят в члены Союза писателей Грузии.

Сейчас ему 30 лет, он учится на двух курсах Высших литературных курсов в Москве.

Отиа Иоселиани.

меня сюда! Грязь, кочки... да еще какой-то лохматый пес выскочил на дорогу.

Да!.. Где-то в этой стороне живет Тебро... Вот и старенький домик, крытый тесовой крышей. Белая Тебро. Только сейчас я о ней вспомнил. Да и немудрено: в эти края и раз в год не забредешь. Даже собака отвыкла от прохожих. Не устоял перед такой.

Бедная Тебро! Наверно ей помогает колхоз. Иначе, что бы она делала. Муха у нее нет, да и детей тоже... Хотя, что я — ведь у нее была дочка... Конечно... Помню, помню...

Ее звали Циано или Цицино... Шел, душой!

Цицино, конечно, ее звали Цицино... Она была на два класса младше меня. Худая, бледная девочка. Часто болела и без конца пропускала занятия. Так она доучилась до пятого или шестого класса. А потом зимой был страшный снегопад... С тех пор я ее больше не видел...

— Шел, говори! Да что ты прилепился ко мне!

В школе Цицино всегда жала на сторонку. Стояла где-нибудь у стены, на солнышке, и оттуда наблюдала, как играли дети. Никогда никого не обижала... да и не могла обидеть. Бывало, смотрю на нее и вижу: по бледному лицу струйками текут слезы...

Что за пес у этой Тебро! С цепи он что сорвался?

Где она сейчас? Уже две недели я здесь, а ее нигде не встретил. Может, уехала? Может, вышла замуж?..

Батура, сюда! Сюда, во двор, будь ты не ладен!

Во дворе старуха собирает в корзину опавшие груши. Да ведь это Тебро!..

Здравствуй, тетя Тебро!

Она медленно выпрямилась, посмотрела в мою сторону и стала тихонько потирать руки.

— Дай бог тебе здоровья, сынок!

— Как себя чувствуете, тетяшка?

Она направила к забору, потирая руки, тихо запретила:

— Постарела, сынок, постарела, дай бог тебе счастья. До времени постарела.

— Давай поговорим с калиткой.

— Заходи, сынок! Мужичина — дорогой гость в нашей семье.

— Не могу, тетяшка. Тороплюсь по делу.

— По какому делу? — Посмотрела мне в глаза, покачала головой, и словно извиняясь, сказала: — Не узнаю я тебя. Стара стала... Я назвал свое имя.

— Наконец-то мать тебя дождалась!.. Заходи же, сынок. Мужичина войдет во двор — дерево улыбиться. Если бы и моя мальчиком родилась...

— Да, в самом деле... Цицино... Где она? Не забыла?

— Где она? Не забыла?

— Отно она. Где же ей еще быть...

— Дочка же я ее нигде до сих пор не встретил?

— Будь счастливым, сынок, спасибо ты спросил о ней... Заходи, дорогой. Нет у меня ничего, но хоть горю отведать. Или может, холодной воды выпить?

Мне не хотелось ее обидеть и я не отказался.

— Да, тетяшка, конечно. Холодная вода, по мне, лучше любого вина.

Я шагнул во двор и замер.

В приоткрытых дверях старого дома я увидел странную женскую фигуру, всю белую, с ног до головы. Только я взглянул на нее — она исчезла.

Тебро поставила передо мной табуретку. Принесла воды в глиняном кувшине. Кувшин местами был замасан воском. Не отрывая взгляда от дверей, я выпил два стакана студеной воды. В доме было тепло. Я сел под деревом прислонился к стволу. Тебро протянула мне грушу. Я долго держал ее в руках, словно никак не мог сообразить, что же с ней делать... Что-то меня беспокоило, что-то тревожило.

— Что, сынок? Или груша тебе не понравилась? У нас в конце двора сливы растут. Грушешь сливы? Я принесу.

— Нет, нет, тетяшка. Не беспокойтесь. Груша очень вкусная.

Я еле проглотил непережеванный кусок.

— Тетяшка, а ваша дочка... она здорова?

— Нет, сынок, не здорова. Если б здорова была, и горя у меня никакого не было бы.

— А что с ней?

— Не знаю... С детства она у меня слабая. Да так и не выздоровела.

— А врач?

— Врачи? — Тебро махнула рукой. — Врачи, не знаю... говорят, малокровие, затенение легкого. Ты, наверно, сам знаешь что это такое.

— Затемнение?.. Это не страшно... Сейчас это лечат.

— Эх, твоими бы устами мед пить, сынок... Есть ничего не ест, от друзей ровесников отстал. Одно время навешали ее — веселее она была. Потом надоело им по этой грязи добираться... Недавно, правда, доктор сказал, что ей лучше, а только она все плачет по ночам. Тихо так, не хочет, чтобы я слышал.

— Где она, можно ее повидать? — спросил я.

— Сейчас... сейчас она, — Тебро замолчала, смущенно отвела взгляд. — Сейчас... И не убрано у нас...

— Хорошо, я ухожу, — я повернулся к калитке, — ухожу, но вечером обязательно зайду еще раз.

Я поднял завалившуюся калитку, закрепил ее, посмотрел на двери старого дома и вышел на дорогу.

Канал совсем обмелел, но я все равно промочил ноги. А уже на плантации чувствую на ступе от отдающего в тени колхозника... Не сколько раз сообщали мне вес собранного чая. Я не запомнил. Сбежал к навесу, отправил машину... Все еще утро. До вечера далеко. До вечера целая вечность.

Привезли воду. Повар, не торопясь, принимается варить обед.

ТАНЕЦ В КАНЬ-СЮР-МЕР*

Кань-сюр-Мер, ноябрьское солнце, декабрьское солнце

и вскоре январское. Праздник Юности, праздник Мира.

Чистые воды луны танцуют на гальке, и танцуют в сетях ветерка в оливковых рощах серебряные рыбки, и девушки Ренуара, бронзовые от загара, в сумерках виноградных поют о любви, о жизни и о вине надежды.

Кань-сюр-Мер, симпатичная вавилонская башня, уголок для туристов, белый камень на карте скрепение стран, о которых забыть...

Танцуй, молодежь, танцуй, молодежь, танцуй на празднике Мира, танцуй тебя сбережет, если ты его сбережешь,

не забывай о нем, не забывай. Мир прекрасен и хрупок, мир всегда под угрозой, вечно живой и еще не вечный. Запада в голову Запада, а Запад очень учен, мысль, — и вновь говорят о ней, — мир опять обречен, мир не протянет долго, нервы не те и склероз, разве что если поможет бедняге вакцина войны, тогда еще встанет на ноги, немедленно все должны, все, как один человек (вместе с детьми и женой), сделать себе прививку, пахнущую войной, сделать себе прививку, обязательно и добровольно по воле всевышнего бога, это не очень больно.

Ужас — сезонный работник, человеческие жертвы, детские жертвы, жертвы желанные, жертвы похвалы, жертвы тор-жер-ственные.

Не хуже — честь невелика, Не лучше — вот что горе.

Ю. БУРТИН

* Кань-сюр-Мер — курортный городок на юге Франции.

в жизни я не видел таких длинных ресниц. Она ничего не сказала, но ее глаза словно доверили мне какую-то большую тайну.

— Цицино!

Она опять не сказала ни слова. Опустила голову.

Стало тихо. Лампа тускло освещала темные стены. Белая, как полотно, Цицино, в белом сатиновом платье со следами голубых узоров, казалась на фоне прогнивших стен сказочной женщиной.

— Цицино!.. — Я хотел сказать, что сейчас она, конечно, чувствует себя лучше, но передумал. — Да... ты знаешь, — я поднялся, потом снова сел. — Я сегодня здорово устал.

Цицино взглянула на меня.

— Тысяча дел, черт бы их побрал! Каково одному за всем поспевать... Я вдруг почувствовал, что начал хвастаться. Но сидеть так, молча, было еще хуже, и я заговорил опять: — Что делать с чаем, Цицино? План выполнен, но и выше прыгнуть было бы не худо, Чаю много — рабочих рук не хватает. Нет, хватать-то, конечно, хватает, но если б так было больше, это совсем не помешало бы. — И не знаю, откуда взбрела мне в голову такая мысль, но я добавил: — А ты там не поможешь.

И прикусил язык.

Цицино сперва удивленно посмотрела на меня, потом вдруг улыбнулась... Эта улыбка придала мне сил. Заложив руки в карманы, я стал вышагивать по комнате.

— Да, да, не помогаешь... Все ленитесь, товарищ, все ленитесь!

Цицино вновь улыбнулась.

— А почему? Кто знает, почему! Просто не хотите нам помогать? — и все!

Улыбаясь, Цицино тихо сказала:

— Не хочу.

— Вот, вот, именно не хотите, — продолжал я, обрадованный, — работать — так у вас желания нет, а если бы... — и черт знает, откуда опять взбрела такая мысль в мою башку, — а вот если бы вас спросили о замужестве, если б жених хороший нашлся...

Цицино опустила голову. Но было видно, что улыбка не сошла с ее лица, и я заговорил опять:

Конечно, смежете: работа вас не достойна! А мы что?.. Чем мы хуже вас?

Цицино опять подняла голову... Я никогда не видел таких длинных ресниц.

Ведь ничем не хуже! — Я встал перед ней, подбоченился и смерил себя взглядом. Она тоже смерила меня взглядом. С ног до головы.

— Как видите, — не хуже!

— Я чувствовал, что ей очень хочется помяться над

26 АПРЕЛЯ «Литературная газета» опубликовала реплику главного библиографа Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Д. Альшица «Персональный автор» и его терминологическое «фрикционирование». В ней высказывались критические замечания в адрес «Словаря книговедческих терминов» Е. Шамурина. Опубликована реплика (написанная в непринужденном, веселом тоне, свойственном жанру реплики), газета предполагала обратить внимание научной общественности на тот факт, что «Словарь» Е. Шамурина содержит множество неточных, ненаучных и просто курьезных определений. И странно, что газета «Советская культура» 9 июня поместила статью К. Симоны «Ради красного словца...», которая, начинаясь с неизбежного в подобных случаях признания («Конечно, в книге немало недостатков, но...»), затем просто-напросто перечеркивает выступление Д. Альшица.

К. Симона и авторов нескольких коллективных писем, процитированных «Советской культурой», прежде всего возмущили... веселый тон реплики. Они не заметили, что этот тон создает вовсе не комментарии Д. Альшица, а тексты самого Е. Шамурина, который объявляет пылесос — понятие, пергамент — бумагой, соавторов — участниками; серьезно поучает, что «четная страница — это страница с четной порядковой нумерацией — 2, 4, 6 и т. д.»

Все это сказано без ссылок и оговорок, как будто и в самом деле новелла ничем не отличается от рассказа, а, скажем, рассказ Л. Пантелеева о подвиге Александра Матросова отныне терпеть право относиться к данному жанру... А вот попробуй разобраться в толковании слова «Сказание». По Шамурина — это «художественное произведение в форме фантастического(!) рассказа, в основе которого лежит происшествие, имевшее место в действительности, или историческое событие». Если же припомним шамуриновское определение слова «фантастический» («невероятный, описывающий события, лица или существа, не встречающиеся в действительности»), то получится, что бывают исторические события, не имеющие места в действительности.

Народный артист СССР С. Зарица в роли Челомея в мантии («Таня любовь»).

Интервью началось не совсем обычно. Инициативу заваяла режиссер. — Вот вы мне скажите... — Позвольте, это я должен задавать вам вопросы. — Нет, вы мне объясните: что такое, по-вашему, коммерческий театр? И не дожидаясь ответа, режиссер продолжал: — Так называют обычно гастроли театра, прибывшего в столицу не по случаю декады национального искусства или какого-нибудь праздника. Но разве сам факт приезда в Москву уже не праздник, не событие в жизни творческого коллектива? — Вы знаете, который раз наш Тбилисский театр имени Шота Руставели приезжает в столицу? Шестой. Впервые мы выступили в 1930 году на Олимпиаде театров и искусств народов СССР. В ней принимали участие представители четырнадцати национальностей. Это было соревнование. И какое соревнование! И когда бы с тех пор мы не оказывались в Москве, нас не оставляет это беспокойное, это тревожащее, а вместе с тем и вдохновляющее ощущение творческого соревнования, азарта борьбы. И пускай соперник не выступает сегодня на соседней театральной площадке — спор не прекращается ни на миг, он требует от нас постоянного творческого напряжения. Приезд в Москву всегда и праздник, и отчет, и проверка сил.

Хотите, я вас удивлю? На этот раз нам не очень хотелось ехать в столицу. Нам пригласили, как говорится «запланировали», на гастроли в Кремлевский театр. А кто устоит перед такой перспективой? Но, право, следовало бы еще чуть повременить. Нам нужно еще время «для разбега». Ведь хочется не просто приехать в Москву, показать три-четыре последние работы, хочется возбудить театральную общественность. Вызвать споры. Сделать что-нибудь дерзновенное, раздразнить. Это наша традиция, и начало ей положили создатель советского грузинского театра Кота Марджанишвили и его талантливый ученик Самро Ахметели. В нашем театре сейчас происходит интересный, а бы сказал, знаменательный процесс — поиски стиля. Как передать ритм современности? Ведь когда за два с чем-то часа добираться от Тбилиси до Москвы, это, честное слово, подкашивает какой-то иной взгляд на многое привычное и в искусстве... Тут я вспоминаю, что пора перебить то беседника традиционным вопросом: — А что вы привезли из гастроли? Режиссер протянул, было, мне небольшую афишу, но тут же спохватился и положил ее обратно.

Америка 1960

Под этой рубрикой, выполненной по желанию читателя «Литературной газеты», редакция начинает серию статей, посвященных политической жизни, литературе, искусству, быту в США. Одни из авторов — успешные режиссеры, другие — писатели, журналисты, общественные деятели. В этой рубрике мы публикуем корреспонденцию из Нью-Йорка, которую присылает редакция «Литературной газеты» член-корреспондент Академии наук СССР В. Адрианов-Перетц, профессор Я. Давидович, директор библиотеки при Ленинградском университете М. Малыш, член-корреспондент Академии наук СССР Д. Лихачев, профессор А. Пруденский, академик В. Струве.

БРОДВЕЙ: ОГНИ И СУМЕРКИ

Письмо из Нью-Йорка

Нынешний театральный сезон в Союзе близится к концу. И по-прежнему, утверждая наблюдатели, в американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью.

Америка 1960

Нынешний театральный сезон в Союзе близится к концу. И по-прежнему, утверждая наблюдатели, в американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью.

Нынешний театральный сезон в Союзе близится к концу. И по-прежнему, утверждая наблюдатели, в американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью.

Америка 1960

Нынешний театральный сезон в Союзе близится к концу. И по-прежнему, утверждая наблюдатели, в американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью.

Нынешний театральный сезон в Союзе близится к концу. И по-прежнему, утверждая наблюдатели, в американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью. В американском театре все определяется погоней за прибылью.

Жанр. Род произведений

Жанр — род произведений, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными, стилистическими признаками.

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Жанр. Род произведений

Жанр — род произведений, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными, стилистическими признаками.

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Жанр. Род произведений

Жанр — род произведений, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными, стилистическими признаками.

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Жанр. Род произведений

Жанр — род произведений, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными, стилистическими признаками.

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Словарь Е. Шамурина

«Жанр — род произведений или иного художественного произведения, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками».

Advertisement for 'Девушка в белом' (A Girl in White) by E. Shchegolev. Text describes the plot and characters.

Advertisement for 'Девушка в белом' (A Girl in White) by E. Shchegolev. Text describes the plot and characters.

Advertisement for 'Девушка в белом' (A Girl in White) by E. Shchegolev. Text describes the plot and characters.

Advertisement for 'Девушка в белом' (A Girl in White) by E. Shchegolev. Text describes the plot and characters.

С ЕГОДНЯ в газете новая рубрика «Бюро обслуживания»...

О том, как поставлено бытовое обслуживание советских людей в городах, поселках и на селе.

О тех, кто обслуживает: о рабочих торговли, общественного питания и разного рода учреждений, занятых устройством быта советского человека.

О подборе этих работников и их воспитании; о том, как они понимают свои обязанности перед народом и как их исполняют; о том, как на местах заботятся о тех, кто нас обслуживает, — эти люди, если они хорошо работают, доставляют не меньшее удовольствие, чем те, кто добывает уголь, строит дома или чинит детали.

О совершенствовании всей нашей системы бытового обслуживания; о внедрении новых современных форм в торговлю и общественное питание и об использовании в этом смысле лучших зарубежных образцов — словом, о том, чтобы советский «сервис» стал лучшим в мире.

О пассажирском транспорте, о почтовой связи, о коммунальных удобствах — словом, обо всем, что помогает нам экономить время.

Наконец, об эстетике быта, о красоте вещей, которыми мы пользуемся.

Редакция приглашает читателей быть корреспондентами нашего «Бюро обслуживания».

Обычная история... Ехал в Ленинград, нагруженный поручениями друзей.

Не трудно заметить, что все мои покупки не относились к предметам первой необходимости.

«Это есть только в Лос-Анджелесе». А вот в Ленинграде действительно есть немало того, что есть только в Ленинграде.

В частности, скажем, широкая и активная действующая сеть «Домовых кухонь».

Каждый день я заходил в кафе «Север», что на Невском. Большое, но очень уютное кафе.

Здесь подают отличный кофе и очень вкусные кондитерские изделия собственного производства, которые продаются и в магазине.

Обедая в кафе «Ленинград», светлым, чистым, с очень вкусной и дешевой едой. Кафе славится своими домашними борщами и сосисками.

На улице Желязкова оставались перед магазином кафе с непрерывной вывеской «Пышечная».

За зеркальной витриной стоит машина-автомат, которая на ваших глазах печет и выбрасывает на противень румяные сдобные пышки.

Как не зайти? Далеко за пределами Ленинграда известны магазины на Невском. Здесь всегда полно народу, и здесь действительно продается все новое, что начинает осваивать промышленность.

Кто из нас, москвичей, да и не только москвичей, не слышал такого укора: «В Ленинграде обслуживание населения поставлено куда лучше, чем в столице».

Бывая в Ленинграде довольно часто, я ни разу не провалялся в правомерность такого укора.

Но теперь я приехал сюда именно с этой целью.

В утешение москвичам можно привести некоторые сравнительные цифры.

Например, такую: в Москву ежедневно приезжает несколько десятков тысяч человек.

Конечно, если бы Ленинград имел ежедневно такое количество гостей, ленинградцы быстро узнали бы, почему так нервно в нашем ГУМе в часы пик (ведь у редкого приезжего нет в планах такого пункта, как посещение ГУМа).

Да, в Ленинграде вся система обслуживания адресована главным образом ленинградцам, а их — не забудем и это — гораздо меньше, чем москвичей.

И все же после десятидневного пристального наблюдения жизни города я пришел к выводу, что в обслуживании ленинградцев, точнее сказать, в позиции работников, призванных обслуживать население, есть нечто такое, что я назвал бы так: живинка в отношении к своему делу. Да не обидит нас московские коллеги, среди них тоже, наверное, есть и немало таких — с живинкой в душе, но в Ленинграде это чувствуется гораздо ярственней.

ЭТОМУ НАДО УЧИТЬ

Немало часов провел я, бродя по этажам Дома ленинградской торговли, присматриваясь к работе этого очень большого магазина.

Хочу понять, что же здесь создает атмосферу, действительно же в чем-то совсем не похожую на ту, которая царит в московском ГУМе? Здесь меньше покупателей? Да, но их все же немало — до 100.000 человек в день. Но почему не видно здесь покупателей, с отрешенными лицами очтачно рвущихся к прилавкам? Почему нет толчеи?

Первый пункт моей секретности весьма прост. Существуют, очевидно, две схемы торговли. Одна выглядит так: покупатель — прилавок — продавец — товар.

Другая: покупатель — товар — продавец. В Доме ленинградской торговли продавцы вынуждены видеть в покупателях не просто покупателей, а покупателей, создающих дополнительные столы в свободных местах магазина.

При этой схеме торговли сразу отпадает та часть общения покупателя с продавцом, которая начинается фразами:

— Покажите мне вот то...

— Это?

— Нет. Ниже и левее.

— Это?

— Да нет же... — и так до тех пор, пока оба не начинают нервничать.

При второй схеме товар показывает покупателю не надо, он видит его сам.

Что же, дело только в этом? Нет. Есть что-то еще, и это «что-то» я продолжал выяснять...

Возле прилавка с галантеей смотрит разложенный на прилавок товар и в это время слышу, как пожимая продавщица тихо выговаривает молоденькой:

— Ты поняла, почему она не сделала покупки? Ты обронила неправильную фразу «это все беру». Разве сама ты

ЗАМЕТКИ

Василий АРДАМАТСКИЙ

О ЛЕНИНГРАДСКОМ «СЕРВИСЕ»

В Ленинграде на Невском есть два открытых «книжных развала» прямо на улице.

Интересно, что на вопрос, окупает ли себя «книжный развал», мне ответил: «Материально — безусловно. Но, кроме того, наши развалы зажали спекулянтов книгами».

А руководитель «Москвитин», когда я ему позволил по поводу закрытия очередного магазина бумажно-книжной торговли на улице Горького и сослался при этом на ленинградский опыт «книжных развалов», сказал: «Вокруг них образуются шайки спекулянтов книгами».

В торговом комбинате «Гостиницы» в отделе игрушек, продавщица говорит покупателю: «Эту игрушку я брала вам не советую, она очень быстро ломается». Покупатель взял игрушку другую. Спрашивая у продавщицы:

— Разве вы не заинтересованы продать все товар?

Она посмотрела на меня укоризненно и сказала:

— Такое время прошло. Нас учат заботиться не только о плане, но и о покупателе.

Учат — вот в чем дело...

СЛОВО ТОРГОВОГО РАБОТНИКА

Этот откровенный разговор возник совершенно случайно. Моим собеседником был заведующий промтоварным магазином. Он уже 24 года работает в советской торговле.

«На советской торговле веку я всякое повидал», — сказал он.

Далее мне хочется привести только небольшую часть того, что от него услышал:

«...У меня только вчера закончилась одна нервная история... После десятилетий пришел в мой магазин один паренек. Пришел зарабатывать производственный стаж — прямо так и сказал. Что же мне, не слышал поправилась. Было это месяца три назад. Работать сразу стал бодро, у него язык хорошо повешен. Но затем стал я замечать, что паренек зашел на работу «левые» дела: то, что пошлоче, откладывал в сторону, а потом в магазин являлся какие-то его знакомые, и им он продавал отложенный товар. Я с ним погово-

книлка бы перчатки, заранее зная, что такие перчатки у вас?..»

Вот где, наверное, второй очень важный секрет: здесь учат людей работать. Узнаю интересные цифры. 52 работница магазина без отрыва от работы участвует в институте, 32 — в техникуме, готовится стать студентками-заочницами еще 40 человек. Раз в неделю в магазине занимается массовая школа торгового мастера.

Во время занятий проводится игра в покупателя и продавца, за которой наблюдает опытный работник. Ведется stenographic запись разговора продавцов с покупателями, и затем эта запись коллективно обсуждается. Каждый продавец имеет аккуратно изданную карманную книжечку с заповедями о своей работе. Здесь можно прочесть заповеди такие: «Женщины! Следите за скромностью и аккуратностью своей прической». Или (к мужчинам): «Не носите за прилавком сорочек и галстуков ярких цветов».

Возможно, что подобные памятки или инструкции ГУМа, но дело в том, что в Доме ленинградской торговли я увидел повседневную борьбу за их неуклонное выполнение, и эта борьба есть не что иное, как хорошо продуманная повседневная учеба всего коллектива сотрудников.

Сейчас нельзя полагаться на уверенность, что люди сами все раскупят, — сказал мне коммерческий директор Дома ленинградской торговли Я. Г. Дурин. — Ведь ясно же: то, что сегодня покупатель, что называется, хватает, не глядя, — завтра он уже хватать не будет. Недалеко время, когда в торговле будет соревнование не между товарами, а между продавцами, между коллективами магазинов.

ЖАЛОБНАЯ КНИГА И ЦВЕТЫ

В промтоварном отделе наблюдаю такую картину: довольно солидный гражданин на чем свет стоит кистит продавца. Продавец — девушка. Она терпеливо все выслушивает, а в паузах с улыбкой повторяет одно и то же: «Я ничем помочь вам не могу, сейчас мы этим товаром не располагаем». Гражданин требует жалобную книгу.

Книгу вы сейчас получите, — опять же с улыбкой говорит девушка, — но от того, что вы напишете жалобу, чудо не произойдет и товар не получите. Дайте мне лучше ваш телефон — служебный или домашний, и я обещаю вам позвонить, как только товар будет получен...

Гражданин подумал и... дал свой служебный телефон. На том все и кончилось. Теперь беседа с гражданином я. Он инженер-строитель, Савелий Прокофьевич Ганшин. Коренной ленинградец.

Черт возьми, — смеясь говорит он, — Продавщица права, из жалобной книги рублики не сошьешь. А она позвонит. Непременно позвонит. И я зря хожу сюда не буду... Что я могу еще сказать о нашем обслуживании? — Он улыбнулся. — Конечно, знаете, ненамного. Лет пять назад мне в голову не пришло бы искать для сорочки какой-то специальный материал. Купил бы готовую, какая есть. А теперь, на вот, подай мне именно этот материал. Говорю это к тому, что за последние годы резко улучшилась забота государства о человеке. И теперь главное, мне кажется, в том, чтобы все, предназначенное человеку, попадало к нему с наименьшей тряской нервов. Все, что служит в торговле, должно научиться видеть в покупателе прежде всего человека. Но и мы в свою очередь должны в работниках обслуживания видеть своих друзей, помощников жизни. Вот эта девушка правильно сейчас сделала, что не дала мне записать жалобу. В общем, когда она позвонит и я приду за своим материалом, я ей цветы подарю, честное слово.

Цветы продавец? И не в порядке взятки, а как благодарность за внимание. Заметим это...

РАЗНЫЙ ПОДХОД

По-разному можно подходить к решению того или иного вопроса. Скажем, вопрос о рекламе. Что требуется рекламировать прежде всего? О поступлении каких товаров сообщают обычно магазины? Как правило, о товарах, на которые спрос велик. Холодные товары, мол, сами находят сбыт. Так полагают многие работники торговли.

А вот на Литейном проспекте, у входа в магазин «Галантерея», висит от руки написанное объявление: «У нас есть безразмерные носки и кожаные перчатки». Мужчины знают, что это значат — «есть безразмерные носки». Захожу в магазин и спрашиваю у продавщицы, зачем вывешено это объявление, ведь вещь идет об очень ходовом товаре. Ответ: «Чтобы покупатель меньше ходил в поисках товаров».

Другой пример. В Москве почему-то один из других закрываются магазины, торгующие

Рис. И. Оффенденда

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

АНТОНИНА КОПТЯЕВА

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

— Гм, гм! — сказал председатель комиссии.

Представитель общественности сохранял нейтралитет. Поэтому он предпочел промолчать.

— Может, глюкнуло строфантином? — посоветовал кто-то.

— При чем здесь глюкнуло, когда рушится семейное счастье! — возразила женщина бальзаковского возраста резко.

— Лариса! — радостно воскликнул Иван Иванович.

— Откуда вы? С тех пор как мы расстались на Мамачевом кургане, прошло пятнадцать лет.

Я только что из Кисловодска, — застенчиво ответила ялова. Стоял там ила нересных мужчин! Но моя женские добродетели вне позорен! Между прочим, я блестяще защитила две диссертации. Но что в них? Хочется чего-то большего! Я же все-таки женщина!..

— Да, да, да! — как обычно задолбал Иван Иванович и по-хорошему посмотрел на Ларису.

— Милый, я тоже новатор и не боюсь ответственности! Давай держись вместе. О, как я тебя понимаю! — Лариса сочувственно пожала великолепною руку хирурга и этим омонично разревела омеиня крупного человека. Иван Иванович понял, что третий тропик посмотрел на часы.

— Не торопитесь, предупредила Лариса, — до конца пенталогии еще далеко. Мы не выдем отсюда до тех пор, пока не продемонстрируем 1001 операцию. Это будет наша «Шехеразада».

— Следующий! — твердо позвал Иван Иванович.

Через минуту очередной персонаж лежал на операционном столе.

В. КОРОВОВ

В МИРЕ КИСТИ И КРАСОК

ХУДОЖНИК — МАСШТАБНИКУ

Махал кистью неуверенно. Ты всех масштабом потрясал.

Но сотворил поря огромный, Большого все к не написал...

ХУДОЖНИК — МОРАЛИСТ

Над строгостью морали он дремал, и тело женское по той причине Он на холстах своих изображал

Лишь в ватине или в овине...

ХУДОЖНИК — МЕДИТЕЛЮ, ИЛИ ПРИЧИНА ОДНОЙ НЕУДАЧИ

Поча писал «Кусты» он с интересом. Кусты росли и стали... лесом!

В. ТИМОФЕЕВ

ЭПИГРАММЫ

ВЕРЯТНО, НАДЯДЬ ЗНАЕТ: И НЕДАРОМ С НИ ДРУЖИТ: ВИМ МЕНЕ ПЕРЕЖДАЕТ, Я ЕГО — ПЕРЕЖУДЕТ.

ИВА

Над прудом стояла молчаливо тихая, задумчивая ива. Никого она не задевала. Молча грусть свою переживала. Несмотря на скромные приметы, На нее набросились поэты. Где беднягу только не склоняли, — В детской юнжке, в сорбинке, в журнале... От беды такой, нависшей тучей, Стала ива ивною плакучей.

М. ЛАСКОВ

СЛУЧАЙ В ПУСТЫНЕ (почти по Пушкину)

Духовной жаждою томим В пустыне мрачной я вальчился, И шестикрылый серафим На перепутьи мне явился.

И он к устам моим приник И вырвал грешный мой язык, Известным саладу аземтам. Но почему-то свехт того Со мной не сделал ничего.

И вот тогда я стал поэтом. В. БАБИЧКОВ

СЕРГЕЮ ВАСИЛЬЕВУ

«На поверку — изелое, нислое, спляное, ржавое, комолое, затхлое, гуяное» С. Васильев «Импералистическая ярмарка»

Сатирика Васильева Спросила раз про стиль его. — Ну что ж, скажу те, хвастая, Соленье, курьявье, Ядренье, гуявье, Порое, прагда, келье, А в общем-то всеелье.

Н. БУДЕНКОВ

СТИХИ МОИ ЗУБЯТСЯ, СОЛЕНЕ, КУРЯВЬЕ, ЯДРЕНЬЕ, ГУЯВЬЕ, ПОРОЕ, ПРАГДА, КЕЛЬЕ, А В ОБЩЕ-ТО ВСЕЕЛЬЕ.

В. ТИМОФЕЕВ

В адрес нашего музея поступает немало читательских писем. При тщательном их изучении удалось установить: читатель талантлив, читатель любит и ценит юмор. А главное, читатель смеется, читатель не забывает юмора — сам читает и сам пишет. Сегодня мы торжественно записали в штат музея и с удовольствием представляем наших новых научных сотрудников — читателя, приславшего нам свои экспонаты. На стендах демонстрируются работы кандидата технических наук москвича В. Бабичкова и оесского учителя Г. Кеммеля, читателя из Запорожья М. Ласкова и нашего гостя, прибывшего на съезд ученых из Ленинграда, В. Тимофеева. Общественно-активными в области юмора и сатиры оказались волжане. Не случайно центральное место на стендах занимают сегодня экспонаты сталинградских читателей — М. Танича и Н. Буденкова. Мы рады вам, дорогие друзья! От всей души мы приветствуем вас в залах нашего музея и говорим: Располагайтесь по-хозяйски! Наш музей — ваш музей!

ГИДРОСТРОЙ И ОКРЕСТНОСТИ

ЗЕМЛЯКАМ-СТАЛИНГРАДЦАМ

Скреншени (Юрий Онуев)

«Я объяснять волнения не могу, Когда встречал скреншения дорог. Казалось мне возможным, Что б по одной ветру, прискакал Будныйный. А по другим со всех концов земли Герон сиянок Пушкина пришли.

...Так в раннем детстве чувствовал я нить, Которую нельзя «разъединить». («Дороги»)

Есть у стихов извечные законы, Которые мне нортно знакомы. Стою я у скреншения дорог И жду — оттуда ветер. Гляжу: идет налево кот ученик, направо — скачет командарм Будныйный И Нибелунгам дядя Черномор Протыгивает шедро «Беломор». А вот когда промчался самосвал На Гидрострой, я как-то прозевал. Да! К ритму стройки час неровен — Я глух. Но был же глух Бетховен! Мне до сих пор неумовно нить, Чтоб лирику и жизнь соединить.

М. ТАНИЧ

СОРОК РАН (Маргарита АГАШИНА)

«Но не верю ничему. Только сердцу своему. Что торчит в сердце! А тебе и ни к чему...» («Сорок трав») Сушит крылья стрелоза, Отпуская тормоза, Потому как на бумагу рифмой напнула слеза.

Воротись из дальних стран, оглядела котлован. Я о нем бы написала, да на сердце сорок ран.

У тебя муницкий нрав, ты всегда бываешь прав. Не помогут мне ни травы, ни СП, ни Облдраза.

Хорошо у нас в дому, а тебе и ни к чему. Променял ты бабье лето на Тайшет и Колыму.

Я альбом поворошу, и к машине поспешу и хорем наши ссоры всеосозно опишу!

Рисунки В. Сметаникова и И. Оффенденда.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРЯН.